

УДК 321.01

М. В. Берендеев

«ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» СЕГОДНЯ: КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ИЛИ ДИСКУРСА?

70

Рассматриваются культурные, политические и исторические проблемы развития европейской идентичности в дискурсе Европы. Ставится вопрос, что есть европейская идентичность: дискурс-явление или стоящая на повестке дня реальная практика. Делается вывод, что концепции европейской идентичности оказались в некоторой методологической ловушке, а институциональный дизайн ЕС не вызывает доверия у жителей единой Европы. Актуализируется вопрос, в каком направлении будет развиваться европейская идентичность после кризиса в ЕС.

This paper considers the cultural, political, and historical problems of the development of European identity in the discourse of Europe. The author addresses the question as to whether European identity is a category of political discourse or a real instrument of European integration and comes to a conclusion that the concepts of European identity are stuck in a methodological trap. And the EU institutional design does not inspire confidence among the residents of united Europe. The question as to how European identity will develop after the EU crisis is becoming increasingly topical.

Ключевые слова: Европейский союз, европейская идентичность, дискурс, институты ЕС, Европарламент, гражданство ЕС.

Key words: European Union, European identity, discourse, EU institutions, European Parliament, EU citizenship.

Для ЕС понятие «европейской идентичности» является стержневым. «Европейская идентичность необходима для Европейского союза, чтобы избежать фрагментации, хаоса и конфликтов всякого рода (военных, социальных, экономических и политических) и содействовать достижению единства, солидарности, субсидиарности, согласия и сотрудничества» [4]. Сегодня в ЕС идентичность является двойной проблемой. Во-первых, существует потребность в идентичности на уровне союза. Эта идентичность должна быть ясной и понятной как в ЕС, так и за его пределами. Во-вторых, необходимо структурно интегрировать Европу не только на уровне политик, экономик и, главным образом, демократий, но и на уровне существующих национальных идентичностей, которые нередко обладают свойствами центробежности и пассивности по отношению к наднациональным европейским структурам. Эта двойная проблема порождает ключевой вопрос, который остается без определенного ответа до сих пор: что есть европейская идентичность — союз идентичностей или идентичный союз? Особую

актуальность данный вопрос приобрел сегодня, в период разразившегося в ЕС экономического кризиса и кризиса принятий решений в зоне евро.

Вопрос о европейской идентичности является одним из главных в дискурсе о Европейском союзе. В современной Европе окончательный ответ на вопрос, что же есть европейская идентичность, не может сегодня дать никто. С одной стороны, в политической науке имеется явное противоречие между теоретическим описанием этого феномена и его эмпирическим тестированием. С другой стороны, дискурс европейской идентичности слишком разнонаправлен и, как следствие, она понимается в Европе достаточно по-разному. Существуют абсолютно разные исторические, политические, социальные и нормативные представления о европейской идентичности, поэтому мы должны признать наличие различных контекстов, теоретических основ и политических реалий употребления этого понятия. «Европейская идентичность никогда не представляла собой единого концепта» [8], а главное, не был разработан план по ее развитию в контексте европейской интеграции. Такие проевропейские политики и технократы, как Р. Шуман, стоявшие у истоков концепции евроинтеграции, намекали, что процесс интеграции и создания новой Европы окажется долгим поэтапным мероприятием. Единая Европа не будет построена сразу в соответствии с единым комплексным планом. Скорее всего, это произойдет постепенно, через ряд конкретных результатов, каждый из которых будет создавать солидарность [19].

«Термин “европейская идентичность” используется во многих контекстах и в различных исследованиях, в результате чего значение этого термина настолько размылось, что он полностью лишился строгой аналитической точности» [10]. Концепции европейской идентичности, активно разрабатывавшиеся с момента оглашения «Декларации европейской идентичности» в 1973 г. [3], выстраивались главным образом вокруг «мы-чувства», которое, как предполагалось, разделяют все, кто определен как европеец, а затем Старая Европа декларативно закрепила это понятие.

Фактически понимание того, что представляет собой европейская идентичность, сосредоточилось вокруг дискурсивно сформированного образа, запечатлевающего некоторый идеальный концепт построения единой Европы. Причем методологически в основе понятия европейской идентичности изначально лежал неразрешенный вопрос: кто такие «мы»? Это означает, что весь последующий дискурс европейской идентичности базируется на представлении о некотором «воображаемом сообществе», и возможно, что этого «мы» на онтологическом уровне реальности не существует. Идентичности по типу «мы-европейцы» можно придать и другую интерпретацию — как сообществу, которое закладывает в основу своего существования *европейские* ценности: свободу личности, либеральную экономику, демократические нормы права, этнокультурализм. Но в таком случае границы Европы окажутся «перерастянутыми», поскольку эти ценности сегодня являются не только европейскими, а некоторые из них получили институциональное укоренение за пределами Европы раньше, чем были развиты в самой

Европе. «Либерализм выступает как нормативная традиция американской идентичности, как вероучение, а этнокультурализм, хотя и менее знаменитый, чем либерализм, также был определяющим элементом американской идентичности» [16]. Дефиниции свободы, либерального рынка и прочие существуют не только в американской идентичности, но и в японской и др. К тому же стоит признать, что свободный рынок, демократия, гражданские права и свободы не всегда были в авангарде европейской политики и культуры.

Исторически возникновение европейской идентичности как инструмента интеграции — это попытка защитить Европу от ее прошлого, именно в этой защитительной форме строился дискурс вокруг понятия «Европа». «Какое прошлое будет на пьедестале? Что является настоящей стратегией Европейского союза? Мы могли бы правильно ответить — защита от войны и геноцида. Европейское сознание настолько обеспокоено, спасаясь от этих событий, что любые формы расизма и национализма вселяют ужас. Однако это означает также, что расизм и геноцид были изобретены в Европе в XX веке» [4]. В реальности исторические корни европейской идентичности выглядят достаточно слабыми. Европа никогда в своей истории не была образцом единения, о чем свидетельствует евроскептическая оценка европейской интеграции в подлинный политический союз. «Если мы хотим говорить об общеевропейской исторической судьбе, то обязательно обнаружим, что формы поведения, не основанные на сотрудничестве, такие, как конкуренция, соперничество, борьба, война, в истории Европы преобладают над формами кооперативного поведения» [2]. Поэтому представляется целесообразным говорить о долгосрочных исторических истоках европейской идентичности.

Некоторые исследователи идентичности указывают, что «Америка», «Азия» и «Европа» существуют только в дискурсе и «то, что мы называем европейской, американской или азиатской идентичностью, есть порождение дискурса» [22]. А поскольку мы можем устанавливать различные режимы дискурса и говорить о «Европе» или «Америке» в разных контекстах, то от этого будет зависеть и конструкция идентичности.

Понятие «европейской идентичности» содержит неопределенность. «Главная неопределенность заключается в идее “Европы”. У феномена Европы нет четких пространственных и временных характеристик. Действительно, история Европы с XIII в. нашей эры была историей экспансии из ее центра. Так что в некотором смысле “Европа” существует там, где “европейцам” удалось укоренить себя и свои учреждения, в любой точке мира» [22]. Следовательно, европейская идентичность — это не нечто локализованное политическими границами или границами зоны евро или Шенгена. «Европейское» может существовать и не в Европе. Но «европейское» не тождественно понятию «европейская идентичность». Европейская мода, к примеру, может укорениться в Турции, но означает ли это, что Турция стала Европой? Архитектура европейской идентичности возводится на институциональных принципах. Как видно уже из «Декларации европейской идентичности» [3], именно институциональные смыслы политически отделяют Европу от

остального мира. В этом состоит один из ключевых смыслов европейской идентичности, именно институционализация идентичности становится инструментом по формированию из Европы единого целого, закрепляя за ней субъектность.

Если конструкт «Европа» раньше совпадал с территориальными пределами западного христианства (т.е. без Балкан) и большей части бывшего советского пространства, то в настоящее время «Европа» — гораздо более широкое понятие, по крайней мере оно применимо к пространству от Урала до Босфора. А что такое «Европа» сегодня с точки зрения культуры, является вообще спорным вопросом.

Все более очевидной становится трансформация концепций европейской идентичности, где дискурс культурного единства Европы уступает место дискурсу, связанному с реальными «вызовами-ответами», стоящими перед Европой сегодня. Культурное единство Европы — фантазматический концепт, поскольку ничего более разрозненного с точки зрения культурного разнообразия, пожалуй, нет. Даже идея христианства не может служить сегодня основным мерилом европейской идентичности, поскольку ЕС все меньше рассматривается как «христианский клуб» [10], даже в таких странах, как Германия и Франция.

«Промоутеры политической идентичности утверждают, что общее культурное основание в Европе слишком слабо, чтобы стимулировать европейца к осознанию принадлежности к некоему коллективу» [14]. Действительно, этнокультурные факторы, такие, как языки, религии, национальности, которые представлены сегодня в пространстве ЕС, слишком многообразны, для того чтобы стать отправной точкой в конструировании европейской идентичности. Скорее даже наоборот, этнокультурный фактор в ЕС выполняет функцию деконструкции единства, усиливая в дихотомии *United Europe vs Europe of nations* (*единая Европа vs Европа наций*) национальные идентичности стран-членов ЕС.

Культурные основания Европы — несколько абстрактные вещи, не всегда понятные, не только не нашедшие конвенции в научном сообществе, но и не ясные жителям ЕС. Однако возможно ли конструировать идентичность вне контекста культурных оснований, особенно таких, как язык и религия? Язык вообще является одним из главных смыслообразующих элементов идентичности, поскольку именно через него мы приобретаем групповое понимание и через язык держим связь с миром. Проведем мысленный эксперимент: если посадить в одну комнату пять жителей стран ЕС — немца, латыша, француза, поляка и румына, которые не говорят ни на каком другом языке, кроме национального, между ними вряд ли возникнет социальная связь, а восприятие друг друга будет строиться на дихотомии «я» и «чужие». В самом деле, языковая проблема является неразрешимой проблемой «европейской идентичности». Если элиты говорят между собой на английском языке, это не значит, что социальная интеграция произошла между народами и европейскими нациями. В дискурсе европейской идентичности очень часто отмечается, что «язык невозможно легко использовать в качестве общего знаменателя для создания единого чувства европейской идентичности, но английский язык вполне может выступать в ка-

честве рабочего» [2]. Но этот момент устанавливает примат англосаксонской культурной традиции во всем ЕС, что противоречит положению о самобытности государств в рамках ЕС, записанному в статье 6 Договора о Европейском союзе: «Союз уважает национальную индивидуальность своих государств-членов» [17].

Поэтому культурный концепт европейской идентичности больше похож на прием, который призван вызвать психологический комфорт, но неприемлем в реальных интегративных практиках внутри ЕС. Сильная культурная дифференциация Европы вообще поставила под сомнение реальность европейской идентичности, что дискуссионно выразилось в подобных суждениях: «Возможно ли вообще такое явление, как европейская идентичность? И не будет ли будущая идентичность Европы размыта среди ее участников»? [6]. Культурный концепт европейской идентичности еще более дезавуировался в момент, когда на повестке дня потенциального расширения ЕС возникла Турция — евразийская страна.

Политологический дискурс европейской идентичности, в противовес культурному, предлагает иное уравнение, описывающее конструирование европейской идентичности. «Политическая идентичность лучше связывает между собой людей, населяющих страны ЕС. Хотя европейские культуры действительно разнообразны, их единство в Европейском союзе определяет европейскую культурную концепцию» [14]. Это позволяет поддерживать национальные и региональные традиции, поскольку дает возможность комбинировать культурные различия под общие основания. Но политическая интеграция ЕС до сих пор не состоялась, ЕС так и не стал полноценным международным актором, даже на уровне внешней политики. Есть отдельные страны, которые вступают в межгосударственные соглашения с третьими странами, но не более того.

К тому же политическая интеграция ЕС затруднена тем фактом, что политический дизайн государств-участников разнообразен: это и президентские и парламентские республики, и конституционные монархии, различающиеся своими партийными системами и уровнями организации власти. Собрать их в единое унифицированное целое представляется утопическим мероприятием, поскольку это требует институционального изменения внутри каждого участника союза, а возможно, и выработки некоторой «средней политики» (политической организации общества), которую разделяли бы все его участники.

С момента подписания в 1992 г. Договора о Европейском союзе в ЕС до сих пор не решен главный политический вопрос — о легитимности наднациональных структур и их связи с гражданами стран-участниц ЕС, что усиливает позиции евроскептиков. Уход от «дефицита демократии» на национальных уровнях привел к новому «дефициту демократии» в наднациональных структурах ЕС, поскольку наднациональные политические институты Европы, за исключением Европарламента, не узаконены путем голосования ее жителей.

Члены Европейской комиссии — главного органа исполнительной власти ЕС — назначаются национальными правительствами. Совет Европейского союза продолжает оставаться межправительственным уч-

реждением. Наконец, Европейский парламент, единственный институт, узаконенный в соответствии с избирательным правом, имеет так мало полномочий, что его решения и обсуждения по большей части игнорируются общественным мнением. Все эти институты весьма далеки от европейцев, которые в значительной степени рассматривают их как технократическую бюрократию, и не более. Особенно ярко этот факт обнаружился в связи с выборами в Европарламент в 2004 г. и в провальном 2009 г. В 2009 г. в среднем по ЕС явка составила 43,1 %. Это самая низкая явка на выборах в Европарламент — единственный орган, избираемый всенародно, с 1979 г. Так, явка в Литве составила 20,54 %, в Польше — 24,53, в Словакии — 19,63, в Румынии — 27,67, в Чехии — 28,22, в Словении — 20,4 [5]. Возможно, «младоевропейцы» потеряли интерес к европейским институтам, проигнорировав главные выборы, что тут же ударило по легитимности Европарламента. «Воздержание от участия в выборах, в частности, снижает легитимность избирательного процесса, Европейского парламента и Европейского союза в целом. Прямое избирательное право выборов в парламент впервые с 1979 года оказалось подорванным» [11]. Действительно, избирательное право при прямых выборах в Европарламент является для простого жителя ЕС единственным способом оказать влияние на управление в ЕС. Однако и евроскептики, и еврооптимисты при этом отмечают ограниченность и декоративность возможностей Европарламента, указывая, что он больше напоминает не институт управления, а всеевропейское реалити-шоу. Депутаты Европарламента не имеют права на определение повестки дня, ее вносит Еврокомиссия, к тому же роль Европарламента в области международной политики практически равна нулю. Поэтому институциональная проблема сегодня мешает развитию европейской идентичности, загоняет ее в тупик, делая ее все более категорией политического дискурса, нежели практикой. «Для большинства европейских граждан ЕС ничего, кроме абстрактной концепции, не представляет. Многие люди не считают, что система управления ЕС является частью их повседневной жизни, хотя арены вмешательства и политические полномочия ЕС постоянно расширяются» [13].

Для того чтобы европейцы чувствовали себя европейцами, институты ЕС должны стать более значимыми и всеобъемлющими для рядовых граждан ЕС. Люди не могут искренне участвовать в системе, к которой не чувствуют себя принадлежащими. Политическая идентичность европейцев очень тесно связана с гражданской. В ЕС есть граждане Польши, Германии, Эстонии, Чехии, Франции, но люди не ощущают себя гражданами ЕС, а ведь дискурс европейской идентичности конструировался вокруг идеи гражданской солидарности в ЕС. Во-первых, само гражданство союза не является реальностью с которой были бы согласны все его участники, — скорее, мы присутствуем в начале долгого процесса, который приведет к тем или иным последствиям в зависимости от судьбы европейского интеграционного процесса. Пока остается неясным, получим ли мы европейца — полноправного гражданина ЕС, или, как сейчас, политика будет строиться на мультинациональности в вопросе гражданства. Во-вторых, гражданство ЕС связано с другим, более мощным, понятием — общеевропейской гражданской солидарности.

Ю. Хабермас, интеллектуальный архитектор европейской идентичности, в своей новой книге «Кризис ЕС», выход которой намечен на 2012 г., развивает мысль о том, что «общеευропейская гражданская солидарность не может возникнуть, если социальное неравенство между государствами-членами становится постоянной структурной особенностью ЕС и является линией разделения бедных и богатых стран» [7]. Ю. Хабермас отмечает и заметные особенности институционального кризиса внутри ЕС, указывая, что фактически возникла асимметрия между институтами ЕС, монополизированными политической элитой, и демократическим участием народа в брюссельских процессах. «Сегодня мы можем видеть, — замечает Хабермас, — равнодушие и даже апатию граждан союза относительно решений своего парламента в Страсбурге» [7]. Разговор о серьезных недостатках в институциональном дизайне ЕС, а также об экономической стратификации стран-членов союза назрел достаточно давно, но катализатором к действию выступил кризис в Европе и в зоне евро.

Долгое время, по крайней мере до кризиса в Еврозоне, дискурс европейской идентичности строился вокруг идеи поступательной интеграции, через которую люди должны почувствовать себя участниками единого консорциума. Оптимистический сценарий такого развития предполагал, что жители ЕС постепенно начнут видеть в ЕС гаранта от возвращения в прошлое, в реальность, из которой вышли многие участники ЕС, главным образом восточные европейцы. Следовательно, причастность к ЕС станет сама собой разумеющейся для любого жителя Европы. Особенно заметным этот процесс был в Польше. «Как и другие части Центральной Европы, Польша воплощала идею своей европейскости в противостоянии коммунизму как борьбу за возврат в Европу» [21]. Европеизация польской идентичности шла с использованием политической истории и исторической памяти в современной политике Польши в Европе, направленных на конфронтацию польских политических элит с Россией и ее историческим наследием. Во многом европейская идентичность младоевропейцев, как в Польше, так и в странах Балтии формировалась в антироссийском дискурсе.

Обещание расширения ЕС в свое время дало странам Восточной Европы надежду на изменение их положения как периферийных стран. «Членство в ЕС можно рассматривать как “возвращение в Европу”. Европа понимается в смысле ценностей и, следовательно, как “Европа равных”» [18]. Это выражается в дискурсе, подчеркивающем важную эмоциональную движущую силу стремления стран Центральной и Восточной Европы к интеграции и укреплению своей идентичности.

Однако в странах Европы на волне их вступления в ЕС был отмечен «новый страх доминирования, на этот раз со стороны Запада» [15]. Неравные переговоры Чехии и Еврокомиссии на пути вступления в ЕС выглядели как «похищение Чешской Республики у Москвы Брюсселем» [19]. К тому же и для Чехии, и для Польши сама европейская идентичность шла в фарватере развития национального самосознания. В этих частях Европы строительство национальной идентичности и строительство европейской рассматривались как параллельные процессы, а не как растворение в ЕС. «Кажется маловероятным, что люди будут из-

бавляться от своих национальных идентичностей, постепенно отождествляя себя с ЕС. Развитие европейской идентичности возможно только благодаря реконструкции, обогащению национального самосознания путем включения в него европейских компонентов» [13].

Современный ЕС — это не 5 или 10 государств, а 27. Как известно, договориться между собой меньшему числу гораздо легче, нежели большему, которому пришлось выработать императивы интеграции после преодоления кризиса, особенно если стороны представлены сильно дифференцированными акторами, одни из которых являются проводниками европейской политики, а другие идут в ее фарватере. Экономический кризис показал это разделение, именно он подорвал единый европейский дом. Развивать европейскую идентичность в едином векторе стало практически невозможно, кроме того, стало очевидно, что «увеличение числа государств-членов усложнит интеграцию, особенно если они очень отличаются от первых государств-членов ЕС с точки зрения экономики, традиций и культуры» [1]. Естественно, рост числа государств-членов автоматически привел к замедлению возведения здания европейской идентичности.

Концепции европейской идентичности оказались в некоторой методологической ловушке. С одной стороны, существуют уже готовые императивы и методы продвижения и развития Европы, но, с другой стороны, трудно сказать, насколько эти методы интеграции применимы к реалиям современности.

Европейская идентичность, построенная на принципе избегания «дефицита демократии», подразумевает, что ЕС должен стать настоящей наднациональной демократией. Этот процесс «требует структурных преобразований, направленных на изменение статуса ЕС как “незавершенного проекта” на что-то более конкретное и осязаемое» [20]. К тому же необходимо преодолеть и демократические проблемы в отдельных странах-членах ЕС, в частности Латвии и Эстонии, в которых элиты, совершая переход к демократии, использовали доктрину этноцентрического национализма. В Латвии это привело к политике этнической исключительности, что в принципе противоречит идее европейской солидарности и европейской идентичности как таковой. «Этот режим — модель, сочетающая элементы либеральной демократии с явным этническим доминированием на основе институциональной гегемонии латышской элиты в сфере политических прав и политического статуса латышского языка» [12]. Подобное положение вещей в ЕС не работает на солидаризацию, а ведет скорее к установлению практик национального притеснения, которые в дальнейшем могут возникнуть в любом другом регионе ЕС.

Современная задача институтов ЕС по формированию европейской идентичности должна быть сведена к усилению роли Еврокомиссии и Европарламента в построении гражданского общества за пределами государств-наций. Если этот наднациональный проект продолжит развиваться в данном направлении, ЕС станет ярким примером многонационального общества, объединенного общей социальной идентичностью. В противном случае европейская идентичность еще долго будет оставаться категорией дискурса и политической риторики вне контекста существующей повестки дня современной Европы.

Список литературы

1. *Bakke E.* Towards a European Identity? URL: http://folk.uio.no/stveb1/Towards_a_European_Identity.pdf (дата обращения: 18.03.2012).
2. *Bryder T.* European political Identity. An attempt at conceptual clarification. URL: <http://www.uv.es/garzon/psicologia%20politica/N31-3.pdf> (дата обращения: 17.03.2012).
3. *Declaration on European Identity* (Copenhagen, 14 December 1973). URL: <http://aei.pitt.edu/4545/> (дата обращения: 24.03.2012).
4. *Delgado-Moreira J.M.* Cultural Citizenship and the Creation of European Identity. URL: <http://www.sociology.org/content/vol002.003/delgado.html> (дата обращения: 21.03.2012).
5. *European Parliament election turnout 1979 – 2009.* URL: <http://www.ukpolitical.info/european-parliament-election-turnout.htm> (дата обращения: 17.03.2012).
6. *Gonzalez J.* European Identity. URL: http://www.europeanideasnetwork.com/files/2012/Brussels_08_February/EIN (дата обращения: 11.03.2012).
7. *Habermas J.* Europe's post-democratic era. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2011/nov/10/jurgen-habermas-europe-post-democratic> (дата обращения: 21.03.2012).
8. *Karolewski P., V. Kaina V.* European identity: theoretical perspectives and empirical insights. URL: <http://books.google.ru/books> (дата обращения: 20.03.2012).
9. *Korniyuchuk A.* Euroscepticism in Czech Republic. URL: <http://irdb.wordpress.com/2010/02/16/euroscepticism-in-czech-republic/> (дата обращения: 11.02.2012).
10. *Madeker E.* Turkey – a part of Europe? // The Construction of European Identity in the German Enlargement Debate. URL: <http://www.jhubc.it/ecpristanbul/virtualpaperroom/049.pdf> (дата обращения: 10.03.2012).
11. *Malkopoulou A.* Lost Voters: Participation in EU elections and the case for compulsory voting // CEPS Working Document. №317. 2009. July. URL: <http://www.ceps.eu/files/book/1886.pdf> (дата обращения: 09.03.2012).
12. *National identity and the democratic integration in Latvia.* URL: <http://www.baltexpert.com/2010/02/04/national-identity-and-the-democratic-integration-in-latvia/> (дата обращения: 12.03.2012).
13. *Petithomme M.* Is there a European Identity? National Attitudes and Social Identification toward the European Union // Journal of Identity and Migration Studies. 2008. Vol. 2. URL: http://www.e-migration.ro/jims/Vol2_no1_2008/JIMS_vol2_no1_2008_ПЕТИТОММЕ.pdf (дата обращения: 24.03.2012).
14. *Pichler F.* European Identity: Conceptual Approaches. URL: www.cinefogo.cuni.cz/getfile.php?&id_file=87 (дата обращения: 19.03.2012).
15. *Pollack D.* European and national identity in post-communist societies: coincidence or contrast? URL: http://ftp.cordis.europa.eu/pub/improving/docs/ser_citizen_pollack.pdf (дата обращения: 19.03.2012).
16. *Schildkraut Deborah J.* Defining American identity in the 21 Century: How much “there” is there? URL: <http://sitemason.vanderbilt.edu/files/kTSjyo/schildkraut.pdf> (дата обращения: 11.03.2012).
17. *The Treaty of Maastricht or the European Union* (1992). URL: <http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11992M/htm/11992M.html> (дата обращения: 19.03.2012).
18. *Theoretisations of European Identity.* URL: http://youth-partnership-eu.coe.int/youth-partnership/documents/ЕКСYP/Youth_Policy/docs/Citizenship/Research/THEORETISATIONS_OF_EUROPE.pdf (дата обращения: 25.03.2012).
19. *Tyler R.* White European Integration, Identity and National self Interest: the Enduring Nature of National Identity. URL: <http://digitalcommons.unl.edu> (дата обращения: 11.03.2012).

20. *Valentini C.* The Promotion of European Identity. URL: http://www.chiara-valentini.org/the_promotion_of_european_identity_book%20version.pdf (дата обращения: 19.03.2012).

21. *Where does Poland fit in Europe? How political memory influences Polish MEPs' perceptions of Poland's place in Europe.* URL: http://www.allianceofdemocrats.org/docs/where_does_poland_fit_in_europe.pdf (дата обращения: 11.03.2012).

22. *White H.* The Discourse of Europe and the Search for a European Identity. URL: <http://www.postcolonial-europe.eu> (дата обращения: 11.02.2012).

Об авторе

Михаил Владимирович Берендеев — канд. социол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: MBerendeev@kantiana.ru

About author

Dr Mikhail Berendeyev, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: MBerendeev@kantiana.ru